

НОВАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ

«Живой журнал» как новая газета

О.Л. ЛЕЙБОВИЧ, Н.В. ШУШКОВА

В процессе исследования реакции блогосферы на аварию Саяно-Шушенской ГЭС авторы статьи столкнулись с вопросом, чем с социологической точки зрения являются «живые журналы», размещаемые в сети? Личными дневниками или новой формой прессы? Какими социальными функциями они обладают? Чем обусловлен принятый в них брутальный стиль высказываний? Какая связь между «постами» XXI века и уличными листовками эпохи Французской революции?

Предметом изучения данной статьи стали современные формы «народной политической журналистики». На наш взгляд, для анализа этого явления можно применить концепт культурной инсценировки, объясняющей, почему блогеры пытаются сконструировать свою идентичность в воображаемом нерыночном социальном мире, примеряя на себя исторические роли народных трибунов, взывающих к массам в духе Марата и Эбера. Их аудитория, однако, – не революционная толпа, но малые, текучие, соединенные слабыми связями сообщества временных единомышленников, по своей природе соответствующие состоянию российского социума: атомизированного, дезинтегрированного культурно, экономически ориентированного, живущего партикулярными интересами.

Ключевые слова: российское общество, масс-медиа, «живые журналы», блогер, революционная журналистика, сетевое сообщество

Рождение исследовательской проблемы

В последние десятилетия в гуманитарном знании появилось новое проблемное поле, образованное особыми социальными практиками, функционирующими в современном технологическом информационном пространстве. Активно обсуждаются их природа, парадигмальные подходы, позволяющие анализировать сетевые сообщества, методы изучения, релевантные новым феноменам, вопросы использования интернета и социальных сетей как источников репрезентативных данных и каналов коммуникации с респондентами в прикладных исследованиях.

Весной 2010 г. мы совместно с нашими коллегами (А.Н. Кабацковым, А.И. Казанковым и М.В. Абрамовым) изучали реакции блогерского сообщества на аварию Саяно-Шушенской ГЭС и меры по ликвидации последствий и проектов будущего ГЭС.

Исследовательский интерес к реакции блогерских сообществ на аварию на СШ ГЭС обуславливается тем, что здесь проявляется новый для нашего общества, параллельный к существующему, способ политического общения между гражданами. Частное мнение, эмоционально наполненное, основанное на обыденных

представлениях о мире, становится мнением публичным. Оно минует все фильтры, выработанные обществом (отсюда, в частности, резкость высказываний), и в чистом виде доходит до аудитории. У блогеров появляются читатели, необязательно участвующие в обсуждении, но обращающиеся к постам за отобранной и интерпретированной информацией; они берут на себя роль распространителей и усилителей этой информации. Альтернативность суждений по отношению к официальным СМИ придает им особый вес в глазах читающей публики; создается параллельный мир мнений, берущий начало от отдельной личности, а не от государственных публичных институтов и учреждений.

В исследовании мы столкнулись с целым рядом вопросов как теоретического, так и методического характера, которые следовало решить до начала полевого этапа. Что принять за единицу анализа: *блог* или *пост*? Как отличить «настоящего» блогера, пишущего по собственному желанию, от «профессионального» – сетевого журналиста, работающего за гонорар? Рассматривать ли записи «профессиональных» блогеров, если их содержание задано работодателем, и комментарии к ним других блогеров? Необходимо ли учитывать единичные отклики в отдельном блоге на аварию или только тематические серии постов? Какие сервисы для ведения блогов принимать во внимание (LJ/ЖЖ, блоги@mail.ru, Twitter и др.)? Можно ли доверять поиск и отбор записей автоматическим службам поиска по блогам? Принимать ли во внимание Top-10/Top-100 самых популярных записей/блогов? Стоит ли ограничиться содержательным текстуальным анализом или создавать математические модели? Как можно гарантировать репрезентативность исследования? Для себя мы ответили на эти вопросы в рабочем порядке и провели исследование.

Источниками данных для исследования явились блоги и форумы в период с 17.08.2009 г. по 1.02.2010 г., а также сайты голосования plotline.net и za-plotinu.ru с момента их создания до 25.02.2010 г. Основным принципом отбора данных стал тематический: высказывания о реконструкции/нереконструкции СШ ГЭС; единица поиска – интернет-страница, единица анализа – сообщение; анализировалось каждое 10-е сообщение, подходящее по тематическому принципу; для сайтов голосования использовалась сплошная выборка, т.е. все сообщения в указанный период времени.

Цель исследования была сформулирована как определение сложившихся мнений интернет-сообщества по вопросу восстановления/невосстановления СШ ГЭС; и реализовывалась через следующие шаги: анализ непосредственных реакций интернет-сообщества на аварию СШ ГЭС в период с 17 по 22 августа 2009 г.; классификация сообщений по откликам: их наличию и объемам; выяснение аргументов «за» и «против» восстановления СШ ГЭС, циркулирующие в интернет-сообществе.

Объектом исследования выступила социокультурная группа, именуемая нами блогерами. Эта группа включает в себя ядро: это те, кто ведут собственные блоги; и периферию – участники форумов и авторы комментариев к блогам. Мы изучали сообщество, возникшее по поводу определенного события, а именно: аварии на СШ ГЭС. За время своего существования это сообщество изменилось по размерам, и в настоящее время оно находится в периоде убывания. По нашему мнению, блогеры представляют собой группу со слабой внутренней связью в силу анонимности участников, изменчивостью состава, неразработанностью общих, поддерживающих единство норм, слабостью авторитетов. Мы также имели дело с рас-

колотой группой по исходным установкам относительно главной объединяющей темы – «быть или нет США ГЭС».

Проведенное исследование поставило перед нами теоретические вопросы: как интерпретировать блог в социологических терминах и как социально идентифицировать блогера. Исходным пунктом в наших размышлениях стал тот факт, что блогеры, регулярно высказывающиеся на социально значимые темы, как правило, заявляют о своем политическом кредо, а затем отстаивают его в «живых журналах».

«Знакомьтесь! Пудинг, это Алиса. Алиса, это Пудинг. Унесите Пудинг»

«Живой журнал», циркулирующий в сети, с трудом поддается жанровому определению. Его описывают как «персональный веб-сайт, который содержит, главным образом, заметки и новости. Он регулярно обновляется, ведется в форме личного дневника, доступного для комментариев другими пользователями интернета... Заметки блога (blog posts) – чаще всего относительно короткий текст (включающий внешние ссылки), иногда изображения (Visual Blogs). <...> В отличие от традиционных персональных веб-страниц, блог легче создать и поддерживать, а потому он чаще обновляется, предполагая более открытый и личный стиль, более откровенные точки зрения, поощряя дискуссии с посетителями и блоггерами (пользователями, которые ведут блоги)» [Давыдов 2008, с. 92].

«В ЖЖ перед тобой разворачиваются жизнеописания людей, автобиографии, которые могут быть фрагментарными или более связными, умными или глупыми, честными или выдуманными, но, в общем, этот поток сознания не ограничен ничем, кроме Уголовного кодекса, и понятий автора о приличиях», – читаем в газетной статье, посвященной этому явлению [Маслова 2010].

Что же такое «блог»: сетевой дневник или нечто совсем иное: особая система сигналов, «позволяющих знакомиться, заводить виртуальную (и не только) дружбу, находить единомышленников» [Кобрин 2003, с. 295]?

В современных масс-медиа утвердился новый персонаж – автор размещенного в сети «живого журнала» (ЖЖ), он же «блоггер» или в иной транскрипции «блоггер». В интернете по сегодняшний день продолжается дискуссия, какое написание правильное. Судя по тональности обсуждения, речь идет о чем-то более важном, нежели о правописании:

«Слово «блогеры» по-русски с двумя «г» пишут только полные феномены! В русском языке двойные согласные в иностранных словах – поглощаются. Поэтому «шопинг» (shopping), «офис» (office), «галерея» (gallery) и так далее и тому подобное. Ну и «блоггер», а не «блОГГер». Не уподобляйтесь безграмотному быдлу, которое имело тройку по русскому только в результате сердобольности учительницы, и в жизни никогда не читало книги Толстого, Достоевского, Толстой и Оксаны Робски» [Пруфлинк 2011].

«Феномены» в свою очередь объясняют, что «... блоггер, как знают сторонники этого написания, остается родственником вовсе не «хацкера», а двух других иностранных слов, укоренившихся в русском обиходе с сохраненным двойным «г», – диггера и триггера. <...> Блоггеры создают новую реальность, а удвоение буквы в слове остается до поры до времени знаком общественного признания. Или самоуважения. Торопиться и проглатывать в блоггере второе «г» преждевременно» [Гусейнов 2010].

За спорами об единственно верной транскрипции угадывается болезненная проблема несостоявшейся социальной самоидентификации людей, выкладывающих в своем дневнике рассказы о своей и чужой жизни, комментарии к новостям и оценочные суждения применительно ко всему, что кажется им значимым.

На самом деле фигура автора блога в большой степени амбивалентна. С точки зрения отечественного законодательства блогер – это частное лицо, высказывающее свое личное мнение на страницах дневника. Говоря по-другому, автор ЖЖ практикует «публичную интимность» (мы цитируем здесь парадоксальную дефиницию М. Кронгауза), то есть нечто такое, чему в истории аналогий не найти [Кронгауз 2009]. С мнением о жанровой уникальности сетевого дневника солидаризируется и А. Зализняк [Зализняк 2010]. Возможно, для филологов это суждение нужно признать бесспорным. Если же мы выйдем за пределы, установленные литературоведением, и попытаемся понять феномен «живого журнала» в контексте истории прессы, передвинем исследовательский фокус на его коммуникативную компоненту (именно она образует главное отличие дневника сетевого от дневника бытового, домашнего [См.: Stefanone 2007]), то мы можем обнаружить сходные явления.

По норме, установленной законодателем, блог уподобляется частному письму. Сайты ЖЖ не регистрируются как СМИ и поэтому не подпадают под отечественную юрисдикцию. Органы милиции отказываются привлекать к уголовной и административной ответственности авторов «живых журналов», даже если они в постах (текстах) нарушают принятые нормы приличия, прибегая к ненормативной лексике. Так, официальный отказ о возбуждении уголовного дела против Артемия Лебедева (блогер Тема) мотивируется тем, «что сайт www.livejournal.com (ЖЖ) расположен на сервере, зарегистрированном в США, т.е. вне юрисдикции РФ. Не является СМИ, не имеет соответствующей лицензии и не является официальным сайтом какой-либо из официальных и зарегистрированных СМИ на территории РФ. А является свободным сообществом, целью которого является высказывать свои мысли, эмоции, общаться между собой и которые публикуют свои блоги (страницы) под различными псевдонимами (ник-неймами), т.е. личное интернет-пространство каждого пользователя. Исходя из вышеизложенного следует, что автор страницы (блога), расположенной по адресу tema.livejournal.com и публикующий свои сообщения под ником «Тема» не имел умысла целенаправленно кого-либо оскорбить, т.к. не знает и не может знать личности, посещающих его блог и тем более, кто скрывается за их ник-неймами. <...> Посещение данной страницы не является принуждающим, либо вынужденным фактором для людей, ее посещающих. <...> Указанная страница расположена по определенному адресу, имеет возрастные ограничения и ее посещение является добровольным волеизъявлением ее посетителей» [М(...)-кам отказать 2010].

Смысл милицейской аргументации сводится к тому, что посещение сайтов – дело добровольное, их авторы не знают своих читателей по именам и, стало быть, не имеют умысла кого-то лично оскорбить. Впрочем, закон никого не принуждает покупать или читать газеты, включать тот или иной канал телевидения, слушать радио или брать в библиотеке определенную книжку. В чем же тогда разница? Только в том, что по законодательству, «живой журнал» – это «личное интернет-пространство», а «журнал электронный» – пространство, напротив, публичное.

«Формально юридически блоги не являются СМИ, и все интернетчики очень борются с тем, чтобы на интернет распространились законы о СМИ. Почему?

Там много отличий, конечно, но основное, с моей точки зрения, заключается в том, что закон о СМИ обязывает журналистов проверять информацию перед ее опубликованием. То есть журналисты несут ответственность, по крайней мере, этическую за недостоверную информацию. А блогеры такой ответственности нести не хотят, естественно, совершенно», – читаем мы в комментариях юриста [Барцевский 2010].

В то же время знакомство с содержанием постов, размещаемых в ЖЖ по поводу тех или иных событий, преимущественно катастроф, инцидентов, политических акций и прочее, указывает на то, что их авторы следуют образцам, заимствованным из СМИ: они апеллируют к общественному мнению, высказываются от имени публики («научной общественности», «патриотов России», «демократических сил», «интеллигенции», «рабочих», «сибиряков» и прочее), призывают к политическим действиям, выносят моральные вердикты, проклинают и восхваляют.

«Если блогер и привирает, то от полноты чувств...»

Граница между блогами и электронной прессой все больше стирается. «Технология дала нам средства коммуникации, позволяющие каждому стать журналистом при малых затратах, – замечает Дэн Гилмор, – способным теоретически охватить весь мир» [Gillmor 2004]. В официальных изданиях публикуют тексты из ЖЖ; блогеры, в свою очередь, активно комментируют статьи и материалы, полученные из СМИ. Правда, авторы «живых журналов» зачастую дистанцируются от большой прессы, обвиняя последнюю в коррупционности, сервильности, некомпетентности. Честная журналистика, по их мнению, сохранилась в ЖЖ: в них она открытая, искренняя, служащая интересам общества и его самым высоким идеалам. «А ведь блог, говорят нам, тем и отличается от СМИ, будь они казенные или независимые, что ведущий его человек предельно искренен, – иронизирует Г. Гусейнов. – Если блогер и привирает, то от полноты чувств. А так он субъективно честен» [Гусейнов 2010].

По мнению Дж. Роузена, известного американского блогера, «блоги относятся к экономике подарков (потлачу) в то время, когда подавляющая часть (но не вся) современной журналистики относится к рыночной экономике» [Цит. по: Gillmor 2004, р. 29]. Напомним, что потлач (обмен подарками) есть способ интеграции различных сегментов архаического общества, их «встраивания друг в друга» на основе признания взаимных обязательств. Подарки «...никогда не отрываются от участников обмена, а создаваемые ими общность и союзы относительно нерасторжимы» [Мосс 1996]. Естественно, что в данном случае речь идет о широко известной метафоре, уподобляющей виртуальное сообщество большой «мировой деревне», отвергающей по этическим соображениям рыночные правила игры. Смысл этого высказывания прост: блогер бескорыстно отдает свою информацию другим блогерам в надежде на их готовность ответить ему тем же. Причем все участники этого обмена соревнуются между собой в щедрости. Поскольку все эти дары бытуют в вербальной форме, то и сам язык приобретает новое содержание. И если верить апологетам новых медиа, он «... начинает функционировать не только как система идеологического означения, но и как система морального сверхозначения» [Ашкеров].

Возникает вопрос: по своему реальному содержанию, исполняемым функциям, восприятию читателей, наконец, не являются ли «живые журналы» новой прессой, дополняющей и замещающей традиционную печать?

Обратимся к определению прессы, данному исследователем, изучавшим левые газеты, выходившие во Франции во второй трети XX в.: речь идет о троцкистских изданиях – малотиражных, полуподпольных, меняющих названия и частоту выхода. По мнению Ж. Плю, необходимо покончить с прежними ограничениями и видеть в прессе «...совокупность периодических изданий, адресованных публике, но не обязательно имеющих узаконенное наименование и не обязательно распространяющихся регулярно, через определенные промежутки времени» [Maitron 1979, с. 891].

Если согласиться с таким подходом, то следует признать, что многие блоги на самом деле являются газетами эпохи интернета, издаваемыми непрофессионально любителями от журналистики. Делаются они зачастую плохо, что вызывает соответствующую реакцию на «демократическое устройство современных обществ», в которых нет «сегрегации, дискриминации и неравенства», чем и пользуются в интернете «перезрелые лузеры», поскольку «... в интернете природные механизмы самоорганизации не работают, потому что их можно безнаказанно нарушать» [За(...)ли 2010].

Такое нарушение свойственно эпохам, в которых происходит ломка социальной системы, сопровождаемая отказом от узаконенных традиций моральных норм, поведенческих стилей, но также и от профессиональных требований. Люди, отстаивающие в таких условиях новые институты, как правило, не способны к тому, чтобы освоить высшие достижения своих предшественников. Их практики просты, незамысловаты, прямолинейны, не отшлифованы ни традицией, ни образованием. Грубость становится мерилom искренности, непосредственности, в конечном счете, принадлежности к «новым людям». «Этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами», – заметил Ленин [Ленин 1965, с. 348].

С точки зрения формы новая журналистика проигрывает традиционной; более того, она не пытается с ней соревноваться. Блог – это, как правило, авторский текст, дополненный фотографиями или копиями официальных документов, или перепечатками чужих статей, иногда комментариями к ним. Тем самым он очень напоминает газету совершенно иной эпохи и другой страны – газету Великой французской революции. Так, знаменитый «Друг народа» выпускался Ж.-П. Маратом фактически в одиночестве; сотрудников у него не было вовсе. Газету объемом до 16 полос Марат редактировал лично, заполняя ее критикой Законодательного собрания, отдельных депутатов, язвительными комментариями к законам, разоблачениями и призывами к кровавой мести. «Марат, ведший неустанную борьбу с Национальным и Законодательным собраниями и с Конвентом, пока в нем тон задавали жирондисты, ограничивался лишь упоминанием о принятии того или иного декрета, чтобы подвергнуть его анализу и критике» <...> “Замечания автора о декретах”, “Советы друга народа” заполняли небольшие страницы каждого номера» [Раткевич 1939]. Вот на эти советы и комментарии следует обратить внимание. «Комментарии Марата об ассамблее имели цель разоблачить предательские намерения отдельных депутатов и мобилизовать против них народ. Тем не менее ясно, что этический кодекс не распространялся на стиль изложения, он не предполагал ни правдивости, ни точности» [Chapman 2005]. Их заменяли страстные призывы,

революционный пафос и жажда крови, смешанные с параноидальными страхами: «Его лицо озаряется. Важная, страшная измена! Новый открытый заговор? <...> “Лафайет заказал в Сент-Антуанском предместье 15 тысяч табакерок; на всех их изображен его портрет... В этом что-то есть... Я прошу добрых граждан, которым удастся достать табакерки, разбивать их. Наверное, они найдут в них секрет важного заговора”, – цитирует фрагмент из «Друга народа» Ж. Мишле [Мишле 1920, с. 27–28].

Вот типичный заголовок в газете Ж. Эбера: «Великое разоблачение *Пер Дюшен*, обращающегося ко всем санкюлотам департаментов по поводу заговоров, которые устраивают бриссотинцы, жирондисты, ролландисты, бюзотинцы, петионисты и вся эта проклятая шайка сообщников Капета и Дюмурье с целью истребить честных монтаньяров, якобинцев и Парижскую коммуну, чтобы нанести последний удар свободе и восстановить монархию». Впрочем, за публикацию этого воззвания журналиста предали суду [Собуль 1974, с. 59].

Что-то подобное можно встретить и современных «живых журналах»: «Вести с ГЭС. Смертный приговор – читать всем. Много нового всплыло об аварии» [Правда от Скитальца 2010].

Революционные журналисты – не только Марат, но и Бриссо, Мирабо, Демулен использовали печатный станок для того, чтобы утвердить новую, на деле, собственную власть – власть правды и справедливости, узаконенную их службой народу и незапятнанной нравственностью [Feuel 2003].

«Сегодня журналисты – общественная власть. Они разоблачают, декретируют, управляют удивительнейшим образом, оправдывая или осуждая, – писал К. Демулен. – Каждый день они поднимаются на трибуну: они среди тех, чей голос слышат 83 департамента. За 2 су можно слушать этого оратора. Газеты каждое утро сыплются как манна небесная и подобно солнцу, ежедневно выходят освещать горизонт» [Воронков].

Журналист эпохи Французской революции ни в коей мере не являлся хроникером событий. Он примерял на себя тогу народного трибуна, просветителя, политического деятеля, идентифицирующего себя с новой конституционной властью. «Постоянно присутствуя в территориях, они способствовали образованию единого публичного пространства или манифестировали участие народа, вооруженного Конституцией» [Guilhaumou 1991, с. 953].

Журналист – вождь, диктующий массам, к чему зовет их долг: что и как следует делать, более того, он распределяет участников исторического действия по ролям и указывает им – добрым гражданам, патриотам, санкюлотам или людям Горы – цель, освященную законами нравственности [Labrosse, Retat 1989, с. 207].

Журналист говорит на языке масс: грубо, образно, емко, соединяя в текстах пафосные призывы и ненормативную лексику, как это делал Ж. Эбер, заявлявший, что пишет не для жеманниц, краснеющих от площадной брани, «которую я употребляю, чтобы выразить свою радость и гнев» [Цит. по: Chapman 2005].

Отечественные блогеры, вряд ли читавшие в массе своей газету Ж. Эбера, полностью с ним солидарны, считая возможность пользоваться площадным языком своей естественной привилегией. По мнению В. Силаевой, нарочитая порча русского правописания является характерной особенностью размещенных в интернете сообщений: «обыденное сетевое общение характеризуется примитивизацией языка, введением в него антиграмматики, заключенной в употреблении «а»

вместо безударного «о» и наоборот, ... противоположном использовании оглушенных звонких и глухих согласных, а также в слиянии слов воедино без пробела. В случаях, когда фонетическое написание является нормой, нарушение нормы может делаться в сторону, противоположную фонетической» [Силаева 2008, с. 104].

Изготовление газет во Франции стало массовой профессией. Если в 1789 г. в свет выходило несколько десятков повременных изданий, то к концу революции счет шел на сотни: по неполным данным в 1800 г. выпускалось около 1350 газет. У них появились и читатели. В 1794 г. в стране насчитывалось 800000 подписчиков [Bianchi 2001].

Повторимся: французские новобранцы от журналистики не отличались ни точностью изложения, ни изяществом слога, ни умением находить факты. С точки зрения полиграфической газеты представляли собой дурно пропечатанные листки, как правило, набранные в один столбец, на дрянной бумаге, часто без дат. В них отсутствовала хроника событий и систематическая информация о политической жизни, но были свои достоинства.

Газеты заговорили на языке улицы, переводя в памфлеты и прокламации фобии и ожидания маленьких людей, вырванных из устойчивого быта грозными и непонятными потрясениями. Укорененные правила нравственности, при помощи которых французы управлялись с собственной жизнью, упорядочивая свой незамысловатый быт, на страницах этой прессы получили свое новое гражданство, были легитимированы печатным словом. Бывшие королевские подданные, в одночасье ставшие гражданами, могли интерпретировать мир в терминах «добра» и «зла», «добродетели» и «греха»; за этими мыслительными практиками скрывалась длительная религиозная традиция, вошедшая в ментальность людей, разделенных не только сословными барьерами, но и территориальными границами. Формирование французской нации происходило в более позднюю эпоху; тогда же жители маленьких сельских коммун осознавали свою связь с чужим большим миром как связь религиозную, нравственную, но не политическую. Вернее, политика для них была проявлением нравственности – худой или доброй – в зависимости от жизненных ситуаций. Новая французская пресса при всей своей революционности и радикализме обращалась в круг привычных понятий, потому ее и читали. Журналист заменил собой временно отмененного кюре, потому и стал влиятельной фигурой – но на короткий срок.

Социальные миры: революционная Франция и сословная Россия?

Городское общественное мнение во Франции формировалось иначе. По своему происхождению оно было буржуазным, иначе говоря, рациональным, индивидуалистическим и прагматичным. В его конструировании решающую роль играли интеллектуалы, связанные с новым миром коммерции, судопроизводства, театра, – все те, кого О. Кошен назвал некогда «малым народом». Его коллективное мнение в последние десятилетия старого режима генерировалось в салонах и кофейнях, собственно, там же оно и обращалось. «Это новый мир, структурированный, начиная с отдельной личности, а не с институциональных групп, основанный на таком смутном и неясном явлении как общественное мнение, мир, создающийся

в кофейнях, салонах, масонских ложах и всяких “обществах”», – таким видит его историк революции [Фюре 1998, с. 46].

В годы революции для его формирования и распространения возникли и утвердились новые площадки: клубные, комитетские, ассамблейные. И там, где раньше главным средством коммуникации было живое слово, обращенное к внимательному и понимающему собеседнику, понадобились другие инструменты, в том числе, слово ораторское, обращенное к большой аудитории, и слово печатное – для аудитории невидимой. В такой ситуации газетчик – автор и издатель в одном лице – стал фигурой решающей: собирателем общественного мнения, его оформителем, передатчиком и даже конструктором. Газета заменяла салон, она продолжала обращаться к своим единомышленникам; только круг «своих» значительно расширился за счет людей, вовлеченных в политические битвы; для «игр разума» потребовались тысячи и тысячи участников. Вместе с аудиторией поменялось и слово: эмоциональный накал был нужней аргументов, пафос сильнее фактов. Вырвавшиеся на политическую сцену новички нуждались в громком рупоре для закрепления и расширения своих позиций. Газета в их руках становилась агитационным орудием и одновременно способом социального самоутверждения. Собственно, авторитарный стиль новой журналистики сложился – пусть и в иной форме – в предшествующую «салонную» эпоху. Социальный мир кофейен был верным оттиском властного мира: «Достаточно того, чтобы какое-нибудь ученое общество или клуб наболтали всяческих слов (конечно же, во имя нации и народа), чтобы превратить подобные мнения в “общественное мнение” и веру в воображаемую абсолютную власть, ибо такая алхимия исключает законность разногласий» [Фюре 1998 с. 47].

Возвратимся к российским «живым журналам». По содержанию, языку, темпераменту многие из них приближаются к образцам революционной прессы. Сближение, однако, не означает тождества. Газеты Марата и Эбера находили своих читателей в мятежных массах, готовых к действиям, подсказанным им своими поводырями. Собственно, от их имени они и выкрикивали лозунги, обвинения и проклятия. Все тот же Марат издавал «Друга народа» как газету «общества патриотов», никогда не существовавшего в действительности [Steuckardt 2002, с. 10].

Французское общество не распространилось даже в эпоху революции с «долгим средневековьем» с его верой в чудеса, «медленным освоением грамотности», господством религиозного мирозерцания. Долгое Средневековье характеризуется, прежде всего, борьбой двух, почти равных по могуществу сил – Бога и Сатаны, хотя теоретически второй находится в подчинении у первого; сражение это происходит в человеке и вокруг человека» [Ле Гофф 2001, с. 35–36]. Только в этой культурной ситуации мятежные толпы могут создавать хотя бы на время ядро общества.

Что касается общества российского, то его определение по шкале времени встречает большие затруднения. В самом деле, так ли уже далеко по исторической оси времени отстоят друг от друга дружинные пиры эпохи Святослава и корпоративные праздники XXI в.? Наблюдатель, знакомый с древней историей Руси, без труда обнаружит в них структуру языческого праздника: ритуальную клятву верности вождю, раздачу и совместное поедание даров, обрядовые боевые песни... [Кобрин, Юрганов 1991]. Добавляется только средневековая карнавальность: игровая перестановка статусов, публичное нарушение общепринятых норм. Впрочем, участники празднества столь же хорошо понимают друг друга, как и доценты провинциального университета своего начальника, запретившего им преподавать в другом таком же университете, поскольку их ректоры рассорились между собой. И

тогда возникает сомнение, а была ли модернизация? Или она обернулась переходным периодом от традиционного общества к традиционному? Может быть, этот концепт ничего не объясняет в современной отечественной истории? Не победил ли век семнадцатый двадцатый век в одной, отдельно взятой стране? «Какое социальное время у нас сейчас на дворе – капитализм ли, феодализм, социализм или нечто совсем экзотическое?», – спрашивает С.Г. Кордонский [Кордонский 2010]. «Феодализм», – уверенно отвечает В.Э. Шляпентох. Чтобы понять постсоветское общество, необходимо использовать феодальную модель, поскольку именно она «...во многих отношениях является более эффективным инструментом для понимания России» [Шляпентох 2008, с. 37]. Феодализм – категория историческая, она указывает на прошлое: «А это – наша реальность», – утверждает С.Г. Кордонский: «естественной формой жизни в российском пространстве является поместье, поместная форма. Поэтому главным социальным слоем в России были, есть и будут помещики» и продолжает: «... сословия есть везде, но у нас все же особая ситуация. Власть, например, находится у нас в сословной, а не в политической структуре» [Кордонский 2009].

Российская реальность в интерпретации С.Г. Кордонского, однако, вполне укладывается в классическое описание феодализма с сословной структурой общества и поместной формой собственности. И даже город «... нельзя назвать городом в общеевропейском понимании этого слова», – утверждает В. Глазычев. – Я бы назвал его индустриальной слободой. И отличие от ямских, стрелецких или, скажем, пушкарских слобод только в том, что прямая сословная повинность здесь замещена тотальной зависимостью от монопольного работодателя – с большей или с меньшей степенью просвещенности» [Глазычев 2004].

Правда, если это феодализм, то особый, скорее, из антиутопий, нежели из исторического времени. И сеньоры, и вассалы, и мещане, и даже крестьяне сплетены в одну большую мировую паутину – интернет. Они разъезжают в автомобилях, носят одежды, скроенные по одному лекалу (мода) и, что может быть самым главным, ведут денежное хозяйство. Призрак «Чингисхана с железными дорогами» воплотился в образе «варвара с сотиком», едва грамотного, но умеющего нажимать разноцветные кнопки. Как и его исторический предшественник, новый человек находит свою идентичность в малых или мельчайших сообществах, часто выдуманных. В переписи населения граждане России объявляли себя «эльфами», «гномами», «троеруссами». Чиновникам, ведающим статистикой, это показалось шуткой [Эльфы 2011]. На самом деле, это зримый показатель разобщенности общества по родам, сословиям, малым общинам, рангам и цехам, отсылающий к тому же XVII в., правда, с поправкой на иную – неконфессиональную – культуру. Все эти «гномы» и «эльфы» порождены игровой стихией, завораживающей наших современников при помощи компьютерных технологий, а власть, в свою очередь, объединяет своих подданных при помощи телевизионных сигналов. «У нас есть локальные, ничем не связанные, сообщества, ничего не знающие друг о друге. Их интегрирует телевизионная картинка. Можно ли это назвать народом – я не знаю» [Кордонский 2004].

Если и можно, то народом расколотым, разобщенным во всех его социальных группировках. Прочитируем Г. Павловского: «У людей нет никакого общего языка, и они требуют, чтобы другой начал, наконец, обсуждать его собственные фантомы и прекратил обсуждать свои. Нам надо восстановить способность разговаривать. А у нас все играют в свои игрушки, с недоверием и яростью глядя на других.

Как в антропологии Пола Радиана, садились антрополог и туземец и начинали описывать друг другу свои фантомы, и постепенно у них возникали общие понятия — они вырабатывали сперва небольшой глоссарий и начинали говорить. А у нас прекратился ведь разговор. Нормальные противоречия превратились в фантомные противостояния» [Интеллигенция 2010].

Если заменить слово «фантом» на более строгую категорию «образ мира», то мы найдем в этом пассаже точную картину культурных разрывов. В общественном сознании наших современников вращаются вокруг невидимой оси самые разные представления о социуме: юдоль печали, игровая площадка, первобытный хаос, космос, наполненный борьбой сил добра и зла; «черный ящик», мастерская и пр. и пр. Одно и то же событие, помещаемое в различную систему координат, приобретает собственное значение. Природная катастрофа в Японии может быть описана как наказание Господне за человеческую или самурайскую гордыню, или как результат применения тектонического оружия, или как провокация темных сил, преследующих какие-то зловещие цели. Точно так же изображали блогеры и катастрофу на Саяно-Шушенской ГЭС. Образы рождают соответствующие социальные технологии: веру в чудо или поиск адекватных инструментов, извечное «авось» или надежду на благое вмешательство начальства.

Можно предположить, что такая специфическая «мультикультуральность» складывалась в прежнюю эпоху под хрупкой оболочкой коммунистической идеологии. Под влиянием культурного шока, вызванного крушением социалистических институтов, социокультурные архетипы обрели новую, уже самостоятельную жизнь, заполнили внезапно возникший идеологический вакуум. Гибель больших социальных институтов приводит к своеобразному *оукливанню* общества, его сжатию до домашних, соседских, артельных, военных общин. Жизнь в них регулируется обычаями, сохранившимися в глубинах исторической памяти людей. Заново актуализируются элементы архаичной и традиционалистской культур, которые в свою очередь вступают в реакцию с сохранившимися пережитками погибшей социалистической культуры. Многие люди и сегодня живут в социалистическом мире, пользуются привычными инструментами символического воспроизводства своего бывшего социального статуса, оценивая новую реальность по прежним лекалам.

Было бы соблазнительно расписать образы мира по соответствующим социальным группам: новаторам (прогрессорам), консерваторам или охранителям. Не получается. В одних и тех же офисных сообществах мы встречаемся и с глубоко научными представлениями об обществе и одновременно с мифологическими представлениями о мире, окрашенными в конспирологические цвета. Расколотость сознания — сегодня не только свойство больших и малых сообществ, но и отдельного индивида.

Общество, лишенное общего языка, можно рассматривать как некоторый механический агрегат локальных, профессиональных, возрастных, образовательных и прочих сообществ с собственными культурами, опирающимися на различные ментальные основания. Конфликты, возникающие на почве взаимного непонимания, боевого обмена фантомами, характерны для модернизационных процессов. Новаторы упрекают людей старой культуры в обскурантизме, реакционности, фанатизме, холопстве; те же в свою очередь «...выражают большую тревогу по поводу исчезновения старых эталонов поведения: религиозности, ясности и простоты в отношениях между людьми» [Alexander 1987, с. 70].

Для социалистического проекта модернизации в его сталинском варианте оказались востребованными добуржуазные типы культур. Можно согласиться с мнением Б. Миронова: «Формула советской модернизации сводилась к технологическому и материальному прогрессу на основе традиционных социальных институтов... Вся страна превратилась в большую общину и действовала на ее принципах. Если мы сравним основополагающие принципы, на которых строилась жизнь русской деревни до 1917 г. и советского общества в сталинское время, то обнаружим между ними большое сходство» [Миронов 1999, с. 333–334].

Выяснилось (и не только в России), что современные технологии могут быть интегрированы в мифологическую культуру; рациональные средства и технократические вполне приспособлены «...для достижения как рациональных, так и иррациональных целей» [Уолкер 2001].

Текущие, распадающиеся сообщества, тяготеющие или к домашнему очагу, или к этническому ядру, или к цеховой (корпоративной) организации вряд ли могут быть описаны в терминах современного гражданского общества. Однако в расколоте по культурным основаниям социальном мире могут появиться группировки, отождествляющие себя со всем социумом или взявшие на себя миссию собрать его для достижения выдвинутых ими целей. Скрепками «нового социума» могут стать и социальные сети.

ЖЖ как everydayness

Если следовать точке зрения М. Кастельса, российские блоги могут считаться органами воображаемого гражданского общества. Изучая их, мы тем самым анализируем процесс «...образования контрвласти», то есть «способности социальных акторов сопротивляться и изменять институализированные ранее властные отношения» [Castells 2007, с. 248]. Блогосфера, в отличие от традиционных СМИ, видится М. Кастельсу менее зависимой от политики и политиков хотя бы по тому, что последние до сих пор осуществляют властные презентации-коммуникации преимущественно в телевизионном пространстве или в печатных изданиях, создавая ограничения именно в них. Горизонтальные взаимно-открытые (интерактивные), ненаправленные коммуникации в блогосфере (в отличие от вертикальных, часто однонаправленных связей в масс-медиа) позволяют вывести ее из-под властного контроля. Новые технологии могут использоваться для создания новых независимых социальных и политических объединений. Следует, однако, заметить, что в России это воображаемое общество или точнее, воображаемые сообщества, изменчивы, аморфны, во многих случаях не противопоставлены власти, но символически отождествлены с нею; более того, они говорят от ее имени; да и сама принадлежность к этим группам не отличается ни устойчивостью, ни силой. «“Легкие” условия вступления в виртуальные общины, как утверждает Jones (1995) и вторят авторы этой статьи, меняют степень индивидуальной ответственности, т.к. индивид может “выйти” из виртуальной общины какой-либо сферы, не участвовать или пассивно участвовать в определенной деятельности сети, т.е. в смысле социальной организации оставить общество или общину, избежав последствий ее неадекватного поведения (социальных санкций)». [См.: Ринкавичюс, Бутковичене 2007]. Применение термина «сообщество»

к людям, ведущим блоги, на наш взгляд, можно считать полностью оправданным только в том смысле, что все они совершают схожие действия по наполнению своих журналов сообщениями, ожидают откликов, до некоторой степени договорились (подсмотрели, переняли друг у друга) стиль и формы преподнесения информации и коммуникации с комментаторами. Их собственные представления о блогах и мотивации поведения в них в основных пунктах отличаются несильно, – это и позволяет называть их сообществом, словами Я. Шмидта – «сообществом блогерских практик» [Schmidt 2007].

Довольно сложно провести демаркационную линию между создателями и читателями блогов, вернее, обнаружить ту самую публику, которая читает записи или к которой обращается блогер. В одном случае читатель скрыт – им может быть любой пользователь интернета, сканирующий открытые дневники. В другом, – читатель мгновенно превращается в автора. Жанр комментариев не слишком популярен. Прочтение чужого текста становится импульсом к созданию своего собственного – блогеры полемизируют – но с обобщенными «неправыми» и в границах своего дневника. Бытование сообщества блогеров определяется технически, но не всегда социально. Р. Патнэм указывает на недостаток кооперации, свойственный виртуальным группам: «с помощью компьютера объединенные группы быстрее обмениваются информацией по их волнующей проблеме и ее воспринимают – может потому, что ее члены подвергаются меньше помехам социальной коммуникации «извне» – однако в них слабее генерируется доверие и сотрудничество, которые нужны для осознания дальнейшего претворения в жизнь» [Putnam 2000, с. 176]. Призывы, присутствующие в постах, обращены не к публике, а вверх – к власти: «Хотелось бы, чтобы Медведев с Путиным спросили об этом у профессионалов» [Журнал М.Ю. Соколова 2009]; или абстрактным высшим силам: «Что будет с Россией, если она потеряет еще одну самую мощную на данный момент свою ГЭС, а также ж/д сообщение с Восточной Сибирью и ДВ?» [Правда от Скитальца 2009].

Блогеры активно интерпретируют события реальности, субъективно увеличивая или уменьшая удельный вес тех или иных аспектов происходящего (некоторые при этом просто игнорируя), чтобы сформировать описание, включающее в себя объяснение. «Если построить громадную плотину и убить семьдесят пять человек – дадут много миллиардные субсидии. Такой вывод по итогам полугода со дня трагедии на СШГЭС» [Keetto 2010]. Собственную задачу – если она декларируется – формулируют как «информирование»: «Речь пойдет именно о плотине Саяно-Шушенской ГЭС. Причем, я не собираюсь чего-нибудь прославлять либо «мазать грязью», просто ознакомить широкого читателя с некоторыми сведениями, хорошо известными в узких кругах специалистов» [Hantegir 2010].

Блогеры не ощущают вокруг себя в виртуальной реальности сообщества, готового к направленному и скоординированному действию. Мы не обнаружили новых форм социальной активности, берущих свое начало в блог-сообществе и далее развертывающихся в реальности, влияющих на существующие институты, – только воспроизведение при помощи новых технических средств старых практик голосования, сбора подписей и прочее, ни к чему не обязывающих тех, кто принимает в них участие.

Блог, следовательно, не мобилизует, а пытается создать общественное мнение, перекрыть уже существующее; блогеры берут на себя миссию четвертой власти, действующей на равных со всеми остальными. Но это, по их мнению, осо-

бая четвертая власть: бескорыстная, открытая, искренняя, служащая интересам общества. Характерная переписка в комментариях к посту: *«Собираю отклики из блогов, связанные с происшествием на Саяно-Шушенской ГЭС. Не позволите ли Вы взять Ваш пост для цитирования? – Берите, если есть, что цитировать»* [Срубный 2009]. Блогеры воспроизводят механизм потлача: они готовы «открыть секреты», «высказать профессиональное мнение», делать парадоксальные выводы, привлекая при этом внимание читателя броскими заголовками и образами (изображения, видео).

Блоги привязаны к событиям, а те в свою очередь имеют ограниченное время осуществления и еще более сжатые рамки общественного интереса к ним. Разные темы конкурируют за внимание читателей. Бесконечно переосмысливать старые события – значит лишать себя «рейтинга»; писать о том, что волнует только тебя – значит никогда не попасть в «топ-100». Например, в первых, да и последующих реакциях на аварию на СШ ГЭС редко присутствовали выражения чувства скорби по погибшим, сочувствие их близким, тогда как обсуждение технических вопросов происходило наиболее активно. Спустя несколько месяцев после аварии один из блогеров сетует: *«Попытка «достучаться» до общественности (привлечь внимание по-настоящему заинтересованных лиц) со своим анализом причин аварии на СШ ГЭС мне не удалась. Интерес к этой проблеме теперь упал, как стало модно выражаться, ниже плинтуса. После катастрофы свершилось уже много чего захватывающе интересного, и эта тема, по большому счету, закрыта»* [Vetovlad 2009].

Тематическое единство в блогах заменяет стиль представления событий, включающий единую объяснительную модель российского общества/человеческой природы/мира как такового. Этот стиль может быть охарактеризован как критичный, пессимистичный, безапелляционный. Вот одно из характерных суждений: *«Мне кажется, что сейчас в РФ, поскольку профессиональный и культурный уровень специалистов катастрофически упал, необходимо просто остановить крупные предприятия, при аварии представляющие опасность – конечно, это относится и к атомным подлодкам, и к ГЭС»* [Беглый 2009].

Стиль представления событий в блогах корреспондирует с культурными характеристиками современной виртуальной «публики»: тех, кто не доволен существующим порядком и своей судьбой, но не готов к активным, тем более революционным действиям; тех, кто живет, рассчитывая только на себя, не находя необходимой поддержки у родственников, начальства, коллег и соседей; тех, чей тихий бунт против общества находит свое воплощение в жестких выражениях и ненормативной лексике. Индексы оценок ситуации в России, отношения к власти, долгосрочных и краткосрочных ожиданий интернет-пользователей, по результатам периодически проводимых службой опросов «Глас Рунета» исследований мнений российских пользователей интернета, невысоко поднимаются над «нулевой» отметкой в 100 баллов [VoxRu 2010].

Техника работы «новых» журналистов упрощена до предела: брошенный взгляд на события или на его отражение в сети, разговор с «очевидцем», мнение случайного лица, – вот, собственно, все источники, которыми пользуется блогер для составления сообщений и, самое главное, комментариев к нему, для оценочных суждений и призывов. Главным источником знаний являются его собственные убеждения в значении событий, т.е. для блогера оно уже размещено в сети готовых координат. Отсюда так часты отсылки к «теории заговора». Многие блогеры убеж-

дены, что миром управляют «...могущественные индивиды или группы – злонамеренные группы, порочные замыслы которых ответственны за все зло, от которого мы страдаем. Это могут быть и сионские мудрецы, и монополисты, и капиталисты, и империалисты» [Поппер 1992, с. 113].

Конспиративизм по своему происхождению тяготеет к мифологическому сознанию, населяющему мир разного рода чудовищами; он позволяет с легкостью объяснять несчастные случаи, катастрофы, социальные конфликты и перемены. «Именно внешняя обыкновенность позволяет конспирологии распространяться из маргинальных групп в массы» [Пайнс 2000]. Распространенность конспирологического сознания в блогерской среде можно было бы объяснить рецидивами советского прошлого. «В соответствии с поэтикой (сталинского – О.Л., Н.Ш.) мифа враг обладал всеми признаками сверхъестественного чудовища. Он вездесущ и многолик, переменчив и таинственен. Неискорен и бессмертен. Более того, он могущественен» [Кимерлинг 2011, с. 22]. Впрочем, такое объяснение нельзя считать исчерпывающим, поскольку оно не учитывает распространение этого мифа и на другие общества. Так, во Франции, согласно опроса общественного мнения, более половины респондентов убеждены в том, что обвиненный в сексуальном насилии глава МВФ «пал жертвой заговора». Среди приверженцев левых партий таких «конспирологов» около 70%: «это исследование обличает состояние умов в стране Декарта», так комментирует результаты опроса влиятельная столичная газета. [Theorie 2011]

Жизненный мир российского блогера, пишущего на политические темы, расчленен. В его ячейках слиты воедино и персонифицированные силы добра и зла, и события, с ними связанные. Некоторые ячейки остаются пустыми, их и заполняют блогеры, столкнувшись с каким-нибудь новым событием в соответствии с его алгоритмом. Так, блогер, идентифицирующий себя с властью, рассматривает любое событие-катастрофу как результат действия внешних, антигосударственных сил. «А я вот очень даже верю в неслучайный характер аварии. Да хотя бы потому, что в России накопилась совершенно жуткая масса людей, которые ее ненавидят – вы только посмотрите посты в ЖЖ! И не потому что им так уж плохо живется – уверяю вас, половина мира была бы и этим довольна, а именно потому, что ведется постоянная и неуклонная работа по развалу страны – извне и изнутри. И все эти ненавидящие свою родину люди отчего-то думают, что им место в «золотом миллиарде» найдется, когда страна перестанет существовать» [V_strannik 2009]. Авторы «живых журналов», придерживающиеся противоположных убеждений, приписывают все катастрофы властным проидам или (в смягченном варианте) властной нерасторопности, некомпетентности, беззаботности: «Почему наши депутаты вместо строительства страны на руинах занимаются выяснением, кто виноват в аварии на СШ ГЭС и вводят новые сборы с Автолюбителей и Автопрофессионалов?» [Филиал Кащенко 2010].

На самом деле, в «живых журналах» отражаются самые слабые стороны большой современной российской прессы: авторитарность, эмоциональная перенасыщенность, притязания на истину в последней инстанции, неприятие альтернативных точек зрения, стремление унижить и разоблачить оппонента. И если в традиционной прессе амбиции журналиста умеряются редактором, то для блогеров регуляторы такого рода отсутствуют; жажда самоутверждения в офисной среде усиливает эмоциональные и негативистские акценты. Латентная агрессивность офисной среды прорывается наружу в записях блогов, и, вероятно, является источником для новой журналистики такого рода.

Следует заметить, что и американские блогеры, пишущие на политические темы, ведут себя сходным образом, как правило, отказываются от диалога со своими оппонентами, ориентируются на дружественные им масс-медиа и только «в крайних случаях оставляют поле, на котором могут обсуждаться идеи и изменяться позиции» [Tremayne 2006].

Носителем алармистского сознания является потерянный в новом мире человек, утративший чувства естественной социальной иерархии – иерархии знания, профессиональной компетентности, социальной ответственности. В условном мире интернет-пространства он ощущает себя экспертом во всех обсуждаемых вопросах, проявляет готовность выносить вердикты и приговоры, не слышать и не воспринимать чужого мнения. Его *credo* – быть против власти, науки, корпораций.

Что в сухом остатке?

Что сближает сегодняшних блогеров и зарождавшуюся французскую прессу времен революции? Их адресат – общественное мнение, по своим характеристикам схожее, несмотря на разные исторические эпохи. Это общественное мнение людей, вырванных внешней силой событий из прежнего мира, растерянных, атомизированных, с трудом устанавливающих между собой новые социальные связи. Это общественное мнение, существующее в ситуации условной легитимности власти, которой избирательные процедуры не гарантируют признания. Ему сложно опереться на традиции даже для того, чтобы их отрицать – традиции также разрушены, а новые еще не устоялись.

Отличия во многом заданы техникой современной сетевой прессы. Блог невозможен вне интернет-пространства. Блогер не может стать трибуном: собрать публику и заразить ее своим выступлением; каждый пост – только фрагмент большой мозаики, сплетенной из множества голосов. Революционный журналист сознательно апеллировал к низам, видя в них источник революционного действия. Блогер обращается к экспертам, создавая объемные текстовые сообщения, зачастую насыщенные наукообразной терминологией, одновременно ставя барьеры тем, у кого чтение не входит в рутинные практики. Блог – это эрзац действия, написание и чтение постов становится главной формой политической активности, не выходящей за пределы «живого журнала».

Подведем итоги. Блогосфера в нашей стране является своеобразным дополнением традиционной большой прессы: если бы СМИ исчезли, блогерам не о чем было бы писать. Контент «живых журналов» представляет собой развернутые маргиналии к содержанию новостных лент: это очень часто комментарии к комментариям. В тех случаях, когда большие СМИ запаздывают или по внешним мотивам отказываются передавать сведения о «неудобных» событиях, тогда «живые журналы» на самом деле становятся источниками новой информации. Это не означает, однако, что она будет проверенной, достоверной и беспристрастной.

«Живой журнал» претендует на роль коллективного агитатора, нежели источника новых знаний, связующего звена в процессе социальной коммуникации. И в этом смысле блогер не является журналистом новой эпохи, но, скорее всего, домашним резонером, прежде вступавшим в диалог с телевизором, а ныне адресующим свои послания третьим лицам.

Литература

- Ашкеро́в А. Потлач и кризис // Свободный мир // <http://www.liberty.ru/layout/set/print/Themes/Potlach-i-krizis>.
- Барцевский М. (2010) Радиостанция «Эхо Москвы», 06.07.2010 // <http://echo.msk.ru/programs/personalno/693066-echo.phtml>.
- Воронков П. Камиль Демулен – журналист Великой французской революции // http://zhurnal.lib.ru/w/woronkow_p/desmoulin.shtml.
- Глазычев В. (2004) Города нет, пока нет городского сообщества // http://www.glazychev.ru/publications/interviews/2004-04-09_interview_goroda_net_poka_net_gorodskogo_soobshestva.htm.
- Гусейнов Г. (2010) Блоггеры против блогеров. Почему время терять второе «г» в этом слове пока не наступило // <http://www.lenta.ru/columns/2010/03/31/blogger/>.
- Давыдов А. (2008) Социология изучает блогосферу // Социологические исследования. № 11.
- Интеллигенция и коллаборация (2010) 19.11.2010 // <http://www.openspace.ru/society/russia/details/18798/page5/>.
- Журнал М.Ю. Соколова (2009) К гидравликам // <http://m-yu-sokolov.livejournal.com/948287.html>.
- Зализняк А. (2010) Дневник: к определению жанра // <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/za14-pr.html>.
- За(...)ли (2010) Пост от 07.06.2010 // <http://tema.livejournal.com/664058.html?page=12>.
- Кимерлинг А. (2011) Террор на излете. «Дело врачей» в уральской провинции. Пермь: Изд-во ПГИИК.
- Кобрин В.Б., Юрганов А.Л. (1991) Становление деспотического самодержавия в средневековой Руси (к постановке проблемы) // История СССР. № 4.
- Кобрин К. (2003) Похвала дневнику // Новое литературное обозрение. № 61.
- Колядина А.М. Дневник как литературный жанр // <http://lit.1september.ru/articlef.php?ID=200601914>.
- Кордонский С.Г. (2004) Социальная реальность современной России. 11.05.2004 // <http://www.polit.ru/lectures/2004/05/11/kordon.html>.
- Кордонский С.Г. (2009) «Главным социальным слоем в России были, есть и будут помещики». Россия как она есть на самом деле // Частный корреспондент. 23.01.2009 // http://www.chaskor.ru/article/simon_kordonskij_glavnym_sotsialnym_sloem_v_rossii_byli_est_i_budut_pomeshchiki_2842.
- Кордонский С.Г. (2010) Россия. Поместная Федерация. Административно-территориальное деление России в «реальности» и «на самом деле». М.: Европа.
- Кронгауз М. (2009) Публичная интимность // Знамя. № 12.
- Ле Гоффе Ж. (2001) Средневековый мир воображаемого. М.: Прогресс.
- Ленин В.И. (1965) Письмо к съезду // Полн. собр. соч. Т. 45. М.: ИПЛ.
- Маслова Л. (2010) Итоги: социальные сети // Коммерсантъ-Online. 27.12.2010 // <http://www.kommersant.ru/Doc/1565002>.
- Миронов Б.Н. (1999) Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т.2. СПб.: Дмитрий Буланин.
- М(...)кам отказать (2010) // <http://tema.livejournal.com/625954.html>.
- Мишле Ж. (1920) Кордельеры и Дантон. Пер. с фр. СПб: Всемирная литература.
- Мосс М. (1996) Эссе о даре. Фрагменты. Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Восточная литература РАН // http://mkazak.narod.ru/cult/texts/6/Moss_Potlach.htm.
- Пайпс Д. (2000) Заговор: объяснение успехов и происхождения «параноидального стиля» // <http://ru.danielpipes.org/article/2891>.
- Попнер К. (1992) Открытое общество и его враги. Т.2. М.: Культурная инициатива.
- Правда от Скитальца (2009) Пост от 22.11.2009 // <http://avaxxx.livejournal.com/965.html>.
- Правда от Скитальца (2010) Вести с ГЭС. Смертный приговор – читать всем. Много нового всплыло об аварии. Пост от 10.03.2010 // avaxxx.livejournal.com/65957.html.
- Пруфлинк (2011) Пост от 4.05.2011 // <http://exler.ru/blog/item/9614/>.
- Раткевич К. (1939) Газеты времен Французской революции // Большеви́стская печать. № 12 // http://vive-liberta.narod.ru/journal/revol_gazet.htm.
- Ринкявичюс Л., Буткявичене Э. (2007) Теория информационного общества и меняющееся понятие общины в виртуальном пространстве // Социологические исследования. № 7.

- Силаева В.Л. (2008) Интернет как социальный феномен // Социологические исследования. № 11.
- Собуль А. (1974) Первая республика. 1792–1804. Пер. с фр. М.: Прогресс.
- Срубный А. (2009) Причины и следствия. Пост от 17.08.2009 // <http://aesilver.livejournal.com/32044.html>.
- Уолкер М. (2001) Наука при национал-социализме // Вопросы истории естествознания и техники. № 1 // <http://vivovoco.rsl.ru/VV/PAPERS/HISTORY/WALKER.HTM>.
- Филиал Кащенко (2010) Пост от 4 10 2009 // <http://vulfinshtein.livejournal.com/9451.html>.
- Фюре Ф. (1998) Постигание французской революции. СПб: Инапресс.
- Шляпентох В.Э. (2008) Современная Россия как феодальное общество. Новый ракурс постсоветской эры. М.: Столица-Принт.
- «Эльфы» и «сибиряки» могут пополнить список национальностей Росстата (2011). // http://novosibirsk-news.ru/global_stories/1067.
- Alexander G.G. (1987) 12 Lectures. Sociological Theory since World War II. N.Y.: Columbia Univ. Press.
- Bianchi S. (2001) La presse et le pouvoir de Louis XIII à Napoléon Ier. // Annales historiques de la Révolution française [En ligne], 325. Juillet-septembre 2001 // <http://ahrf.revues.org/1149>.
- Castells M. (2007) Communication, Power and Counter-power in the Network Society // International Journal of Communication. № 1 // <http://ijoc.org/ojs/index.php/ijoc/article/view/46/35>.
- Chapman J. (2005) La citoyenneté républicaine, l'éthique et la presse sous la Révolution française 1789-92 // La republique des Lettres // <http://www.republique-des-lettres.fr/10685-presse-revolution-francaise.php>.
- Feyel G. (2003) Le journalisme au temps de la Révolution: un pouvoir de vérité et de justice au service des citoyens. // Annales historiques de la Révolution française [En ligne], 333. Juillet-septembre 2003 // <http://ahrf.revues.org/843>.
- Gillmor D. (2004) We the Media. Grassroots Journalism by the People, for the People. Sebastopol: O'Reilly Media.
- Guilhaumou J. (1991) Décrire la Révolution française. Les porte-parole et le moment républicain (1790-1793) // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. № 4.
- Hantegir (2010) Пост от 18.01.2010 // <http://hantegir.livejournal.com/2010/01/18/>
- Keetto (2010) Пост от 17.02.2010 // <http://keetto.livejournal.com/2010/02/17/>
- Labrosse C., Retat P. (1989) Naissance du journal revolutionnere. 1789. Lyon: PUL.
- Maitron J. (1979) Jacqueline Pluet-Despatin, La presse trotskiste en France de 1926 à 1968: essai bibliographique // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. Vol. 34. № 4. // http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/ahess_0395-2649_1979_num_34_4_294092_t1_0890_0000_001.
- Putnam R. (2000) Bowling alone. New York: Simon & Schuster.
- Schmidt J. (2007) Blogging practices: An analytical framework. Journal of Computer-Mediated Communication. № 12 (4), article 13 // <http://jcmc.indiana.edu/vol12/issue4/schmidt.html>.
- Stefanone M.A., Jang C.-Y. (2007) Writing for friends and family: The interpersonal nature of blogs. Journal of Computer-Mediated Communication. 13(1), article 7 // <http://jcmc.indiana.edu/vol13/issue1/stefanone.html>.
- Steuckardt A. (2002) Les ennemis selon L'Ami du peuple, ou la catégorisation identitaire par contraste // Mots. Les langages du politique [en ligne]. № 69 // <http://mots.revues.org/index10023.html>.
- Théorie du complot et régression démocratique (2011) // Le Monde. 19.05.2011 // http://www.lemonde.fr/idees/article/2011/05/19/theorie-du-complot-et-regression-democratique_1524341_3232.html.
- Tremayne M., Zheng N., Lee J.K., Jeong J. (2006) Issue publics on the web: Applying network theory to the war blogosphere. Journal of Computer-Mediated Communication. 12 (1), article 15 // <http://jcmc.indiana.edu/vol12/issue1/tremayne.html>.
- Vetovlad (2009) Пост от 19 12 2009 // <http://vetovlad.livejournal.com/5853.html>.
- VoxRu.Net провел очередное исследование в рамках проекта «Индекс социальных настроений» (2010) 24.09.2010 // <http://www.voxru.net/index.html>.
- V_Strannik (2009) Комментарий на пост от 18 08 2009 в <http://bulochnikov.livejournal.com//> <http://bulochnikov.livejournal.com/75382.html?page=1#comments>.